

Мартынов Владимир

НЕ ПЛАЧЬ

«Декабрьские вечера». «Плач пророка Иеремии» Владимира Мартынова. Ансамбль древнерусской духовной музыки «Сирин»

Юлия Бедерова

Тут ничего уже не поделаешь. Книжка написана, издана и прочитана слушателями духовных школ, т. е. теми, для кого в первую очередь предназначена. А также прочими интересующимися. Теперь без цитат не обойтись. «Глубочайшее падение и забвение пути к Богу есть логическое завершение пути музыки».

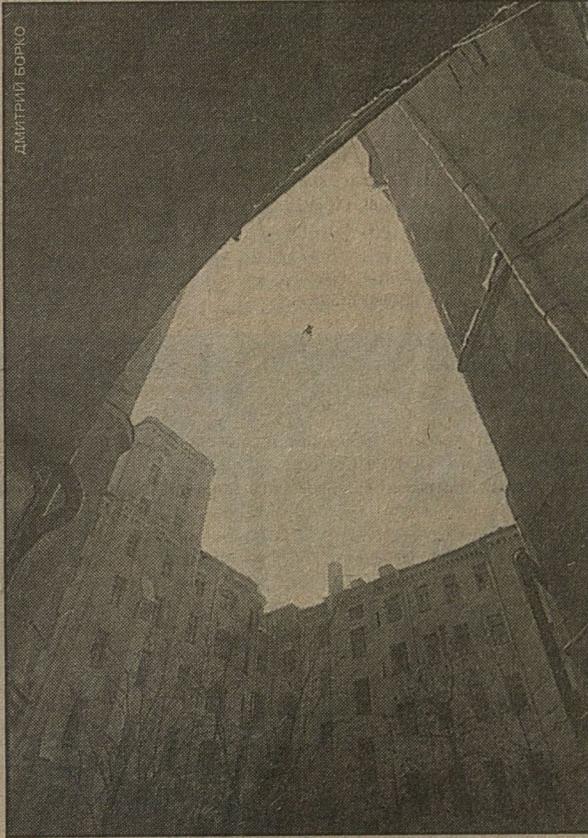
Все-таки парадокс: книжку о необоснованности притязаний музыки на всеми лелеемое «высокое» пишет сам композитор. И цех, играющий в непостижимость и грандиозность Творчества ее величества Индивидуальности, вполне закономерно посчитает таковое поведение отступничеством. По не зависящим ни от кого причинам данный композитор существует как участник игры. И произносит запретные слова о беспочвенности. Пьедестал остальных индивидуальностей с треском вываливается. Основной важничать не остается. Но в силу еще более странных, необъяснимых обстоятельств отступник остается в игре, хотя и почти за гранью круга. Пусть бы парадокс был следствием лицемерия. Оно считывалось бы легко и мало кого напрягало. А так взявший на себя груды признания в слабости — необъясним. И отдаляем с трудом, но тщательно.

До книжки были рок-оратория «Серафические видения Франциска Ассизского» (в 1978-то году), музыка электронная и для ансамбля ударных инструментов Пекарского. «12 побед короля Артура» для семи роялей, «Войдите», Всенощная и Литургия. Это к примеру. В 1991 году Мартынов написал «Плач». Сочинения последнего времени обозначены Opus post. Опус после того, как музыка для композитора закончилась. Или, по крайней мере, исчерпались все аргументы «за». По Мартынову, музыка проходит четыре стадии — магическую, мистическую, этическую и эстетическую. На этом время ее заканчивается. Нескончаемо только время богослужебного пения, основанного не на самовыражении композитора, а на терпеливом следовании канону. Следующая книга будет называться «Конец времени композитора». Сам же он продолжает писать музыку. Пока. В ней ясно слышится магия, мистика, этика и эстетика. И к тому же — неизбывный вековечный канон. А рассуждать о том, музыка ли это или богослужебное пение, понятное дело, не стоит. «Плач» — оратория, т. е. жанр духовно-концертный, на ветхозаветный текст для хора а capella.

Как нужно нынче оратории писать, все знают. Привычно-пафосный облик внутренности и внешности считаются качеством не переменным. И непременно комфортабельным автобусом в суперзал, где — не переменный супер-Рыбников. Или в Большой консерваторский, где сейчас, в общедоступных и приятных аумсинрикевых тонах, — Вяч. Артемов. У этих и прочих мартыновская музыка крошит почву под ногами. Земля осыпается шелухой от семечек. Игра не клеится.

Как не склеивалось у достопочтенной публики «Вечеров», которую, откуда неслись 5 глав «Плача», как несколькими цунами после каждой главы, смывало из зала. Просвещен-

Музыка не в состоянии вывести сознание человека из состояния космизма или «замкнутости на космосе», она не в состоянии по истине прославить Бога, ибо прославление Бога есть начало богослужебного пения и конец музыки. Владимир Мартынов. Из книги «История богослужебного пения»

ДМИТРИЙ БОРКО

Сегодняш. — 1994. — 10 дек. — с. 12